

вре-

депрессии
современности

мя

и со-

бака

мария рита кель

Мария Рита Кель

Время и собака.

Депрессии современности

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74147106

Время и собака. Депрессии современности: Горизонталь; Москва; 2021

ISBN 978-5-6043030-3-0

Аннотация

Бразильская специалистка-психоаналитик доказывает, что современные депрессии – следствие господства императивов счастья, наслаждения и творческой самореализации, довлеющих над капиталистическими обществами потребления.

Содержание

Введение	5
Время субъекта и времена Другого	12
Социальный симптом	22
Об этой книге	42
Благодарности	45
Часть первая	48
I. Депрессии современности	48
Психоанализ и интериоризация символической функции	52
Приватизация меланхолии и рост числа депрессий	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мария Рита Кель

Время и собака

Депрессии современности

Maria Rita Kehl

O tempo e o cão: a atualidade das depressões

*** * ***

© Maria Rita Kehl «O tempo e o cão: a atualidade das depressões», 2009

© Владислав Федюшин, перевод, 2021

Введение

Депрессия, темпоральность, социальный симптом

Замысел этой книги оформился в конце 2004 года, когда спустя более двадцати лет клинической практики в психоанализе я решила, что хочу работать с людьми, которые обращаются за помощью, полагая, что страдают депрессией. Раньше я передавала такие запросы более опытным коллегам – меня напугало случившееся в первые годы моей клинической работы самоубийство, в отношении которого я чувствовала себя особенно виноватой, поскольку не смогла оценить тяжесть ситуации, изложенной на консультации. Подготовившись к столкновению с фантазмом саморазрушения, который угрожает переносу в анализе депрессивных субъектов, я удивилась той скорости, с которой я начала учиться на этом материале, – быстрее, чем на любом другом опыте в моей практике.

Мне кажется, что задача вырвать лечение депрессий из компетенции психиатрии – это вызов, перед которым не должен отступать психоаналитик. Невероятный рост числа случаев диагностирования депрессии в странах Запада начиная с 1970-х годов можно было бы считать лишь следствием усилий фармацевтической индустрии по развитию и углубле-

нию техник диагностирования, способствующих тому, чтобы люди употребляли каждый год выходявшие на рынок антидепрессанты (если не злоупотребляли ими).¹ Однако наряду с этим можно сказать, что современный человек особенно подвержен депрессии. Вторая гипотеза не исключает первой, но указывает на альтернативное решение проблемы. Хотя лечение депрессии обыкновенно не приписывается полю психоанализа и считается проблемой психиатрии, я согласна с Колетт Солер,² с точки зрения которой неопределенность понятия депрессии не должна мешать нам мыслить депрессивные феномены, с которыми мы имеем дело в клинической практике, используя психоаналитическую оптику.

За время моей аналитической практики я удостоверилась, что то, что мы, не претендуя на точность, называем *депрессией*, представляет собой картину, принадлежащую скорее клинике неврозов, чем психозов. Когда психоаналитик или психиатр говорит о психотической или «эндогенной» де-

¹ По оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в начале 2000-х годов депрессия охватывала 6 % мирового населения; по прогнозам, к 2020 году она превратится во вторую причину смертности в промышленно развитом мире, которую будет опережать только смертность вследствие сердечно-сосудистых заболеваний. Данные ВОЗ взяты из репортажа Криса Мартинеса о двадцатилетии «Прозака»: Martinez C. Uma indústria do bem-estar. // Valor Econômico. 7.12.2007.

² Soler C. Un plus de mélancolie. // C. Soler (org.). Des mélancolies. Paris: Éditions du Champ Lacanien, 2001. P. 101: «Неопределенность понятия депрессии, очевидно, не является причиной для того, чтобы перестать осмыслять депрессивные феномены. Они должны быть включены в многоликую совокупность страданий, адресованных психоаналитику».

прессии, весьма вероятно, что он имеет в виду не депрессию, а меланхолию. Это касается в том числе и депрессий, которые считаются хроническими и которые можно если не лечить, то во всяком случае облегчать их проявления с помощью психоанализа. Депрессия соответствует невротическим структурам, однако необходимо попытаться изучить ее своеобразие. Депрессии не сводятся к таким душевным состояниям как грусть, упадок сил, уныние, утрата интереса к жизни – несмотря на то, что все они, безусловно, входят в перечень страданий депрессивного субъекта. Кроме того, депрессии – не то же, что спорадические депрессивные эпизоды, которым подвержены все невротики в силу плохо проработанных утрат, неудач или скорби.

В психоаналитической клинике мы часто сталкиваемся с людьми, которые жалуются на то, что не имели иного опыта бытия в мире помимо депрессии, которая сопровождается короткими интервалами преходящего облегчения. То, как именно в рамках переноса они адресуют свои вопросы аналитику, заставляет нас заключить, что эти субъекты обладают невротической структурой; однако терзающее их ощущение пустоты, умственная и телесная медлительность и глубокая подавленность, в которой они пребывают, требуют несколько более осторожной оценки. Возникает вопрос: что же именно с самого раннего возраста, в зачатке некоторых неврозов, так сильно подавляет субъекта?

После более или менее длительного анализа невротиче-

ская структура депрессивного больного начинает отчетливо вырисовываться. Тогда мы понимаем, что субъект, который, казалось бы, хронически подавлен, является истериком или же невротиком навязчивости. Однако вследствие депрессии его структура, должно быть, с самого начала была повреждена в таких аспектах как позиция субъекта и защитные механизмы, характерных для каждого невроза. Что во время проживания эдипова комплекса становится определяющим для возникновения у некоторых невротических субъектов (хронической) депрессии? Что именно осталось незавершенным в конституировании юного субъекта, из-за чего он в лучшем случае становится истериком, а в худшем – зарабатывает невроз навязчивости или же депрессивное расстройство?

Я считаю, что позиция депрессивного субъекта³ является следствием выбора – «выбора невроза» во фрейдовском смысле, – который осуществляется в тот момент, когда воображаемый отец предстает противником ребенка на втором такте эдипова комплекса. Первичный выбор в пользу будущей депрессии должен сводиться к бегству из области борьбы за фаллос: вместо того, чтобы оспорить фаллос у отца (и проиграть ему...), депрессивный субъект предпочитает отступить, оставаясь под покровом материнской защиты. По причине этого отступления и в противоположность тому,

³ Несмотря на неизбежное сходство терминов, важно отличать позицию депрессивного объекта от понятия «депрессивной позиции» по Мелани Кляйн. См. главу X, с. 291–293.

что происходит при следовании обычной траектории невротизации, депрессивный субъект слабо защищен от кастрации. Начавшись в тот момент, когда дискурс матери указал ребенку место, занимаемое отцом в отношении ее желания, операция кастрации уже должна была произойти на этом этапе конституирования субъекта. Выходит, что будущий депрессивный субъект задерживается на половине того пути, проходя который истерики и обсессивные невротики определяют свою фантазматическую позицию: вместо того, чтобы вступить в борьбу за фаллос и попытаться вернуть *уже произошедшую* утрату, депрессивные субъекты «выбирают» остаться кастрированными. Это вовсе не значит, что им удалось символизировать кастрацию. Речь не идет и о воображаемых версиях кастрации, понятых как лишение или фрустрация. Скорее мы наблюдаем уклонение от требований фаллоса, завуалированных *детской кастрацией*. Это не значит, что депрессивным больным не знакомо чувство вражды. Они отступают потому, что не допускают ни риска поражения, ни возможности оказаться на втором месте. Столкнувшись с требованием «все или ничто», они в итоге принимают сторону «ничто».

Депрессивный субъект не вступает в противостояние с отцом. Его стратегия состоит в том, чтобы в качестве безвредного или беспомощного объекта отдаться под защиту матери. Наслаждение такой позицией дается субъекту ценой астении, упадка сил и утраты интереса к вызовам, которые

готовит ему жизнь. Иначе говоря, в этом акте предложения себя беззащитным и зависящем от заступничества Другого кроется ловушка. Изображая, будто он не имеет отношения к борьбе за фаллос, депрессивный субъект не обретает средства, необходимые для того, чтобы противостоять угрозам. Тем самым он становится пассивным объектом материнского наслаждения, которое состоит во власти над ослабленным ребенком. Это место, место пассивного объекта материнской заботы, в эротическом плане не соответствует месту отца как законодателя желания матери; депрессивный субъект, я настаиваю на этом, есть субъект кастрированный.

Ввиду слабости своей структурной позиции, тот, кто на столкновение со своим желанием отвечает бегством в депрессию, находится ближе к вытесненному знанию о кастрации, чем, скажем, более устойчивые в этом отношении невротики. Это знание, по причине которого он зачастую избегает возлагать на себя ответственность, представляется депрессивному субъекту причиной его страдания. Однако здесь он заблуждается. Позиция депрессивного субъекта – это не только следствие отступления перед конфронтацией с отцом, но и следствие попытки избежать того знания, которое приходит к каждому субъекту через сны, оговорки или симптомы. Игнорируя это знание, депрессивная позиция постепенно осуществляет уничтожение субъективности.

Соблазн отступить перед желанием, схожий с тем, которому подвержен невротик, заставляет большую часть депрес-

сивных больных искать спасения в медикаментах. Многие субъекты, опираясь на тотальную поддержку идеологии современного научно-маркетингового общества и массированную пропаганду антидепрессантов, ищут в сугубо психиатрическом лечении идеального повода для того, чтобы избежать столкновения с собственными субъективными вопросами. В отсутствие условий, которые позволили бы им проработать значение своего бессилия, многие депрессивные больные спешат примириться с тем, что они страдают от некоторого рода нехватки. В гегемонных дискурсах современности не придается значения состояниям грусти и боли существования, равно как и тому возможному знанию, к которому они могут привести. Современный мир демонизировал депрессию, что лишь отягощает страдания депрессивных больных чувством долга или вины за свои мысли и переживания.

Время субъекта и времена Другого

Если своим замыслом эта книга обязана анализу лиц с депрессивным расстройством, то ментальный процесс ее написания начался в тот день, когда я сбила пса. Этот несчастный случай не был внезапным, предугадать его можно было за несколько секунд, и в то же время он был неизбежен в силу привычной скорости событий в наше время. Мы едва замечаем пресловутую скорость жизни, пока столкновение с чем-нибудь ужасным не раскроет нам ее смертоносное обличье. Смертоносное не только для жизни тела – это лишь в крайних случаях, – но и для деликатности психической жизни, которая даже не является предметом обсуждения. В тот день, зажатая между грузовиками на шоссе, в зеркале заднего вида я все же заметила, что раненое животное сумело пересечь проезжую часть и скрыться в зарослях. Я слышала крик боли в течение всего нескольких секунд и не смогла оценить причиненный ему вред. Пес перестал существовать в моем перцептивном поле и мог бы полностью исчезнуть из регистра моего опыта; его забвение прибавилось бы к стиранию множества других моментальных перцепций, которыми мы ограничиваемся с тем, чтобы быстро на что-то отреагировать и с такой же скоростью об этом забыть.

Остаток пути я проехала, будучи пораженной этой почти свершившейся смертью, которую так легко было причинить.

Собака была страшной, ее шерсть была грязно-пепельного цвета. Худая, тощая, она казалась отдаленной родственницей гончей — животного, которое в иконографии периода Возрождения символизирует меланхолию. Важно отметить, что ренессансная иконография ближе не столько фрейдовской меланхолии, сколько тому сплину, который вызывают в нас некоторые собаки и люди, — жалкие, задумчивые, отчаявшиеся в своей надежде на ласку, приказ или еще бог знает на что ещё. Отчаявшиеся в надежде на знак Другого, который указал бы им на то желание, которое требует от них ответа.

Через несколько минут после этого происшествия, еще будучи в дороге, я начала мысленно составлять текст о жестокости отношений современных субъектов со временем. От несчастного случая, который мог бы окончиться смертью собаки, осталось небольшое темное пятнышко на моем бампере. Удар был столь стремительным, что он мог бы и не стать событием, не ощути я необходимости раз за разом воспроизводить в уме эту сцену на протяжении двадцати километров, остававшихся до пункта назначения. Свою роль сыграли и прочитанные за несколько месяцев до того рассуждения Вальтера Беньямина о поэзии Бодлера, провозглашающей, по мнению этого философа, шоковый характер опыта модерности, перед которым поэт (меланхолик?) должен возвести символическую преграду.

Это дорожное происшествие заставило меня задуматься

об отношении между депрессиями и опытом времени, который в наши дни практически полностью редуцирован до опыта скорости. Мы живем в иной темпоральности, нежели меланхолики прошлого, схожие с депрессивными больными современности. Они, неприспособленные к прожорливому времени капиталистического мира, страдают от ощущения, будто время остановилось. Это не значит, что причина их сопротивления имеет политическую природу – по крайней мере, если речь идет о публичном измерении языка, который отсылает субъекта бессознательного к полю Другого. Однако если медлительность депрессивного больного является не неким политическим жестом, а следствием его неспособности соотнестись с вызовами современности, то результатом становится его сопротивление предложенным модальностям наслаждения. Дело не в том, что депрессивный субъект не наслаждается вовсе; наслаждение, опасное своей близостью влечению к смерти, особенным образом участвует в экономике депрессии. Используя парафраз Фрейда, я бы сказала, что депрессивный субъект хочет наслаждаться, но на свой манер. Этот манер характеризует особая медлительность.

Возможно, именно поэтому фармацевтическая индустрия прилагает столько усилий, чтобы излечить больного депрессией. Она хочет сохранить в тайне знание, скрывающееся за упрямым отказом депрессивного субъекта встроиться в темпоральность Другого.

Пьер Федида, который считает *депрессивность* (в про-

тивовес депрессивным состояниям) фундаментальным качеством, если не неотъемлемым условием психической работы, пишет, что «фрейдовский психоанализ стал благодаря вниманию к психопатологии и благодаря своей клинике единственной попыткой сохранить в центре человеческого опыта функцию негативности (влечение к смерти, деструктивность, виновность, первичный мазохизм), подступившись к пониманию субъективности психической жизни».⁴ Согласно Федида, истоки депрессии лежат в вопросе об отношениях субъекта со временем. Я полагаю, что депрессивный субъект был вырван из своей сингулярной темпоральности: отсюда его медлительность, столь непонятная и раздражающая тех, кто живет рядом с ним. Ему не удастся войти в один ритм с временем Другого. Федида подчеркивает значение медлительности, которая характеризует время анализа подавленных субъектов. С его точки зрения, ускорение, навязываемое самыми простыми актам повседневной реальности, способствует «обнищанию психической жизни» в виде «ставшего нормой исчезновения времени человеческого общения».⁵

Возможно, тот, кто вопреки обещаниям фармацевтических чудес обращается к психоанализу, ищет время. Вне зависимости от продолжительности сессий, психоанализ – это

⁴ Fédida P. Os benefícios da depressão: elogio da psicoterapia. São Paulo: Escuta, 2002. P. 14.

⁵ Ibid. P. 15.

путь, на котором *нельзя отмерять время*. В этом смысле он дает возможность психическому субъекту (вновь) встретиться с утраченной темпоральностью – начиная с восстановления атемпорального опыта образований бессознательного.

Однако это не единственная причина, по которой депрессивные субъекты продолжают приходить в анализ. Многие делают это потому что больше не могут выносить обеднение своей душевной жизни, вызванное длительным употреблением антидепрессантов. Другие обращаются к аналитику, поскольку считают, что эксперименты с различными психофармацевтическими препаратами не привели к ожидаемому результату или же последние перестали оказывать свое действие после более или менее продолжительного применения – это случается чаще, чем принято думать. Другая причина может заключаться в том, что медикаментозное лечение не сумело полностью лишить этих субъектов желания говорить, и они ищут слушателя. Даже тем, кто считает, будто психоаналитик должен дать им «правильные советы» по поводу того, как адаптироваться к социуму, спустя некоторое время становится интереснее слушать самих себя, чем «учиться» дешифровать желания Другого с помощью мнимого знания психоаналитика.

Депрессивный субъект располагается ближе к своему бессознательному знанию, нежели невротики, находящие более устойчивую опору в механизмах и ресурсах собственной структуры. Так как ощущение пустоты, в котором он

прибегает к воображаемой защите против кастрации и, следовательно, демонстрирует нищету как в производстве фантазмов, так и в характерных для невротиков защитных средствах, уже доминирует, депрессивный субъект может сбить аналитика с толку тем, что с самого начала анализа кажется следствием пересечения фантазма. Это не так. Депрессивный субъект пусть и создает впечатление, будто он «примирился» со своей кастрацией, при этом не понимает ее ценности как движителя и причины своего желания. Для него кастрация – это открытая рана, которая не только *смущает*, но и не перестает причинять страдания. В этом состоит *моральная боль* депрессивного субъекта – доказательство того, что он, хотя и знаком с кастрацией, не способен ее символизировать.

Я думаю, что аналитик должен понимать, что часть пути к цели в анализе депрессивного субъекта должна пролегать *per via di porre*, а не *per via di levare*.⁶ Очевидно, что *прибавлять* означающие здесь должен сам анализанд, а не догадки аналитика. Важно побудить депрессивного субъекта сделать ставку на некую смысловую конструкцию, которая могла бы противостоять угнетающей его пустоте и отсутствию смысла. Это значит выстроить такой путь, на котором он сможет стать желающим субъектом. Только он сам способен создать новые комбинации означающих, сумеющие придать кастрации позитивный смысл, сделать ее движителем желания.

⁶ Путем прибавления, а не путем убавления (ит.). – Прим. пер.

С другой стороны, различие между инфляцией означающих, которые в воображаемом невротиков поддерживают фантазию о требованиях Другого как любимого существа, и неизбежным при анализе депрессивных субъектов смыслотворчеством состоит в том, что вторые уже заранее знают, что жизнь лишена смысла.⁷ «Психическое – так можно было бы назвать пустоту», – пишет в другом тексте Пьер Федида.⁸ «Пустота могла бы быть депрессивным прототипом *psyche* – полностью полноправного психического органа, не имеющего репрезентации».⁹

Депрессивного субъекта угнетает не сама пустота, а незнание того, что вызывает его желание. Знание о пустоте, с одной стороны, служит доказательством той прострации, в которой он пребывает, а с другой – открывает широкую перспективу мобильности в символическом поле. По мере своего излечения он обретает способность создавать объекты, которые отвечали бы на нехватку того, что вызвало его желание, ибо «причина не является прежде, чем желание уже

⁷ Soler C. Un plus de mélancolie (cit.). P. 105: «Дело в том, что должно ощущаться нечто другое: помимо бессилия доводов и недостаточности попыток его переубедить, [...] он косвенно демонстрирует отсутствие мотивации привязываться к миру, – который при этом не лишен причины, – [...] и, свидетельствуя о радикальной контингентности того, что мы считаем „смыслом“ жизни, он требует от собеседника то, что Лакан называл *„joint plus intime au sentiment de la vie“* [самой интимной связью с чувством жизни]».

⁸ Fédida P. O vazio da metáfora e o tempo do intervalo. // Depressão. São Paulo: Escuta, 1999. P. 71.

⁹ Ibid. P. 89.

возникло». ¹⁰

Такая находка совершается далеко не сразу. Связь депрессивных субъектов со временем приводит к тому, что в первые недели лечения перспектива прохождения анализа может казаться им пугающей. Однако, начиная с того момента, когда происходит решающий переход от времени, которое «не движется», ¹¹ ко времени, которое «не имеет значения», ¹² медлительность, необходимая для психоаналитической терапии, начинает идти на пользу депрессивному субъекту и позволяет ему выдержать столкновение с отсутствием смысла, присущего основам психической жизни. Изнутри невыносимости той пустоты, от которой он укрывается в депрессии (тем самым с каждым днем увеличивая глубину пропасти), депрессивный субъект устанавливает особенную связь с истиной своего положения. При депрессиях время, которое «не движется», представляет собой приостановленную темпоральность, не связанную ни с одним обнадеживающим образом *становления*.

Важно не путать депрессию с меланхолией. И тем более – не думать, будто разница между ними лишь количествен-

¹⁰ Введение в Имя-Отца. // Лакан Ж. Имена-Отца. М.: Гнозис, Логос, 2006. С. 60. Пер. А. К. Черноглазова.

¹¹ Это выражение я взяла из книги: Pontalis J.-B. Ce temps qui ne passe pas. Paris, Gallimard, 1997.

¹² Цитата из Поля Валери, цит. по: Беньямин В. Рассказчик: размышления о творчестве Николая Лескова. // Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 353. Пер. Н. М. Берновской.

ная, и меланхолия является более тяжелой формой депрессии. Несмотря на сходства *симптоматики*, они сильно различаются между собой. К примеру, отчаяние меланхолика связано с тем фактом, что Другой в его первичной воображаемой (материнской) версии не обнаружил для новорожденного места в своем желании. Меланхолик заперт в мертвом времени, во времени, где появление Другого не состоялось. В свою очередь, мертвое время депрессивного субъекта работает как укрытие от настойчивых требований наслаждения Другого. В своем убежище депрессивный субъект пытается защитить себя от императива доставлять наслаждение Другому; но, тем не менее, чем больше он прячется, тем больше отдает себя Ему на милость.¹³

Если меланхолик представляет себя человеком без будущего, в силу того, что на заре формирования его субъективности Другой ничего от него не ожидал, то страдающий депрессией бежит от всякого движения вперед в попытке как можно дольше откладывать встречу с чрезмерной ненасытностью Другого.

Время, которое, по выражению Поля Валери, «не имеет значения», противоположно тому времени, которое было приостановлено в связи с требованием Другого. При таком опыте темпоральности Другой перестает натягивать нить времени и разрешает субъекту плести ее в подходящем ему

¹³ См. Fingerhann D., Mendes Dias M. Por causa do pior. São Paulo: Iluminuras, 2005.

ритме и сообразно собственным наклонностям. Автономная связь с неизбежным ходом времени оказывается возможной лишь после окончания анализа. Но при депрессиях она проявляется с первых сессий благодаря непостоянству питающих фантазию воображаемых образований – тому непостоянству, что лежит в основе утраты такими субъектами интереса к жизни. После того, как заслон против избыточной тревоги, подкрепляемый физическим присутствием аналитика, его видом,¹⁴ делает терпимой встречу с отсутствием заранее установленного смысла существования, депрессивный субъект обретает способность использовать свою медлительность себе на пользу. Пустое время простирается перед ним словно чистый лист для нового текста, который суждено написать лишь ему. Без спешки. Если наслаждение, которого требует от него Другой, превышает его силы, что к его отчаянию и несчастью именно так, а соблазн мертвящего наслаждения депрессии оказывается слишком велик, ему не остается ничего, кроме как взять время, предложенное ему аналитиком, в собственные руки.

¹⁴ Использование кушетки при анализе депрессивных субъектов показано не всегда; я вернусь к этому позже.

Социальный симптом

В первой части этой книги я отстаиваю возможность понимать современный рост числа депрессий как социальный симптом. Я начинаю со связи между различными дофрейдовскими концепциями меланхолии и утратой места субъекта в поле воображаемого Другого. Моя гипотеза состоит в том, что депрессии в настоящее время занимают место феноменов, воплощающих в себе «недовольство культурой». Начиная со Средних веков и до начала модерности это место отводилось меланхолии. Когда Фрейд предпринял попытку теоретизации и лечения так называемых «маниакально-депрессивных психозов» с помощью психоанализа, он использовал означавшее «меланхолия», чтобы провести различие с психиатрической нозологией XIX и начала XX века. Тем самым Фрейд расширил область применения психоаналитического лечения и порвал с длительной западной традицией, в которой меланхолик понимался как субъект, занимающий в социальной связи исключительную или эксцентрическую позицию.

Анализировать депрессии как проявления социального симптома современности означает допускать, что депрессивные субъекты образуют, при всей своей безгласности и скрытности, группу столь же неудобную и скандальную, какую в XIX веке составляли истерички. Депрессия – это вы-

ражение недовольства, которое открывает кингстоны и угрожает пустить ко дну корабль главных ценностей нашего века: скорости, эйфории *prêt-à-porter*,¹⁵ здоровья, эксгибиционизма и уже набившего оскомину культа потребления. Депрессия – это социальный симптом: медленно и незаметно она распускает на нитки ткань смыслов и убеждений, которые управляют общественной жизнью XXI века. Именно поэтому депрессивные субъекты не только остро ощущают расхождение со своим временем, но и становятся все более одинокими и изолированными, поскольку общество порицает их печаль. Если тоска, сплин, скорбь и другие проявления уныния будут считаться неуместными в современном мире, то депрессивные субъекты рискуют подвергнуться дискриминации как заразные больные, переносчики дурной вести, которую никто не желает знать. «Сегодня блюз не популярен, – пишет Солер, – Цивилизация, отдающая предпочтение конкуренции и завоеванию, – даже если речь идет в конечном счете о завоевании рынка, – не может любить подавленных, несмотря на то, что производит все больше подобных субъектов, которые становятся продуктом имманентного ей капиталистического дискурса».¹⁶

Недостаток эмпатии в отношении депрессивных субъектов, присущий нашей культуре, часто имеет катастрофические последствия для подростков. Нередко юноши и девушки

¹⁵ *Prêt-à-porter* – массовая одежда, продающаяся в готовом виде. – Прим. пер.

¹⁶ Soler C. Un plus de mélancolie (cit.). P. 105.

ки четырнадцать или пятнадцать лет предпринимают попытки самоубийства (порой фатальные) не столько в силу сложности картины их депрессии, которая запросто может быть преходящим эпизодом, характерным для так называемого кризиса подросткового возраста, сколько из-за того, что не могут справиться с болезненной утратой самооценности, с ощущениями непонятости и изолированности. Все это вызвано стигматизацией депрессии, которая отдаляет их от друзей и превращает в объект насмешек и тяжеловесных предубеждений. Среди подростков депрессия – самое недопустимое выражение психического неблагополучия. Она «сбивает сердца довольных»: ¹⁷ в этом состоит ее суть в качестве социального симптома.

Я использую выражение «социальный симптом» в первую очередь для того, чтобы обозначить определенный симптом, или клиническую структуру, находящуюся в таком типе несогласия с социальной нормативностью, который в конечном счете обнажает противоречия дискурса Господина.

В работе «Торможение, симптом и тревога», к которой я неоднократно обращаюсь в третьей части своей книги, Фрейд использует выражение «*вторичная выгода*», говоря о тех случаях, когда невротический симптом, не затрагивая отношение Я с его идеалами, выполняет *сверхдетерминированную* функцию, будучи одновременно защитой от вытес-

¹⁷ Строка из стихотворения Торкуату Нету – поэта из Пиауи, который покончил с собой в Рио-де-Жанейро в 1972 году в возрасте 28 лет.

ненного и средством замещения либидинального удовлетворения:

Я – это организация, оно основывается на свободном общении и возможности взаимного влияния среди всех его составных частей, его десексуализированная энергия обнаруживает свое происхождение также в стремлении к соединению и унификации, и это принуждение к синтезу все более усиливается по мере развития Я.¹⁸

Чаще всего у тех, кто прибегает к помощи аналитика, борьба против вытесненного усугубляется борьбой Я против симптома, угрожающего идеалу нарциссической целостности. Симптом часто ускользает из-под контроля Я. Тем не менее, Фрейд отмечает, что в ряде случаев симптомы могут находиться с ним в согласии. Некоторые симптомы невротика пребывают в гармонии с другими функциями и нарциссизмом Я. Это те случаи, при которых вторичные выгоды симптома способствуют сопротивлению аналитическому лечению: субъект не желает расставаться с этими приобретениями. Иногда они полностью *адаптивны* и соответствуют тому, что социальная группа требует от своих членов.

То же верно и для невротических структур. В XVIII веке, во времена расцвета романтизма, страдания депрессивного больного, который в ту пору именовался «меланхоликом»,¹⁹

¹⁸ Торможение, симптом и тревога. // Фрейд З. Собр. соч. в 10 тт. Т. 6. М.: Фирма СТД, 2006. С. 243. Пер. А. М. Боковой.

¹⁹ См. главу 1, с. 35.

были столь же адекватны культуре и ценностям эпохи, что и эксперименты перверта, обитавшего в замке маркиза де Сада. Истерия по-прежнему причиняет тяжелые страдания множеству людей, однако истерички, доставлявшие столько неудобств викторианскому обществу, сегодня остаются незамеченными: их симптомы комплементарны в отношении современного состояния дискурса Господина. В свою очередь субъекты навязчивости, не относившиеся к тем крайним случаям, при которых невроз приводит к высокой степени ригидности и обширным торможениям, во времена Фрейда были прототипом хорошо адаптированных буржуа. Сегодня массовая культура карикатуризирует и высмеивает таких субъектов, а подростковые сообщества (которые превратились со времен бунтарских движений 1960-х годов в лучший проводник новой социальной нормы) – отвергают и изолируют их как последних зануд, до сих пор принимающих всерьез авторитет воображаемого отца.²⁰

Если клинические структуры неизменны, то условия адаптации невротиков к своей социальной среде полностью зависят от условий культуры.²¹ На сегодняшний день симптомы депрессии не сулят никаких вторичных выгод, которые помогли бы депрессивному субъекту жить среди ему подоб-

²⁰ См. Kehl M. R. A necessidade da neurose obsessiva. // Associação Psicanalítica de Porto Alegre (org.). A necessidade da neurose obsessiva. Porto Alegre: APPOA, 2003.

²¹ См. Viviani A. Algumas palavras. // Textura, revista de psicanálise. Ano 6, n. 6. 2006.

ных.

Тем не менее, необходимо признать, что идея социального симптома в психоанализе спорна. Во-первых, по той причине, что общество – это не субъект; во-вторых, поскольку социальный симптом, пусть он и не выражен ни в чем, кроме действующих и страдающих субъектов, не сводится к сумме отдельных проявлений. Наконец, если социальный симптом все же существует, можем ли мы обнаружить у общества вытесненное желание того же порядка, что и бессознательное желание субъекта?

Разберем эти пункты по отдельности.

1. Бессознательное между индивидуальным и социальным

Очевидно, что любая социальная группа так или иначе находится под воздействием собственного бессознательного, хотя и нельзя сказать, что это «социальное бессознательное» соответствует «индивидуальному» бессознательному субъекта психоанализа. «Бессознательным» в обществе являются как обреченные на забвение моменты его истории, так и замалчиваемые проявления жизни меньшинств, чаяния которых не находят средств для выражения. Замалчиваемое недовольство, лишенное возможности символизации, в конечном счете манифестируется в действиях, которые следует толковать по аналогии с симптомами тех, кто ищет психоаналитического лечения.

С другой стороны, нельзя утверждать, что фрейдовское бессознательное строго индивидуально. В докладе «Функция и поле речи и языка в психоанализе» Лакан указывает, что область дискурса (внимание к которой характеризует оригинальность психоаналитического метода) – это «поле трансиндивидуальной реальности субъекта». «Бессознательное есть та часть конкретного трансиндивидуального дискурса, которой не хватает субъекту для восстановления непрерывности своего сознательного дискурса».²²

Отсюда значение переноса как одного из четырех «основных понятий психоанализа». Используя перенос, аналитик создает то место, откуда к анализанду должен вернуться иной смысл его речи.

«С точки зрения анализа, – пишет Мари-Элен Брусс, – оппозиция индивидуальное/коллективное не имеет смысла, а желание, которое субъект стремится расшифровать, – всегда желание Другого».²³ Получается, что у Другого нет места; он становится самым условием, которое движет усилиями субъекта и распознается при помощи языка, – той самой монеты, которая может лишь переходить из рук в руки, сколь бы затертыми ни были цифры, некогда символизировавшие ее

²² Лакан Ж. Функция и поле речи и языка. М.: Гнозис, 1995. С. 28. Пер. А. Черноглазова.

²³ Brousse M.-H. O analista e o político: alcançar em sua horizonte a subjetividade de sua época. // C. S. Cervelatti (org.). O inconsciente é a política. São Paulo: EBP, 2003. P. 17.

СТОИМОСТЬ.²⁴

Будучи феноменами языка, образования бессознательно-го вносят свой вклад в его структуру и обнаруживаются в самых различных его применениях: как коллективного, публичного и символического органа. В ходе своего четырнадцатого семинара, «Логика фантазма», Лакан радикализировал эту связь, предложив формулу «бессознательное – это политика». Как пишет Владимир Сафатли, «*бессознательное – это язык* в той же мере, что и социальный порядок, который задает поле всякого возможного опыта».²⁵

Если бессознательное – это «дискурс Другого», то условия, которые организуют социальную связь, присутствуют уже при ее основании, так как дискурс является именно тем, что организует и ограничивает наслаждение (Другого). Общества различаются между собой как препятствующими наслаждению дискурсивными диспозитивами, так и доступными видами наслаждения. Раз «диалектика желания не индивидуальна [...], аналитик оказывается в позиции дешифровки символического, то есть [...] дешифровки Другого по мере действия языка».²⁶ Так, практика требует от аналити-

²⁴ «Это как раз подтверждает правоту Малларме, сказавшего некогда, что язык подобен стершейся монете, которая переходит из рук в руки в молчании». Символическое, воображаемое, реальное. // Лакан Ж. Имена-Отца (цит.). С. 25. Пер. А. К. Черноглазова.

²⁵ Safatle V. Folha explica Lacan. São Paulo: Publifolha, 2007. P. 45.

²⁶ Ferreira da Silva R. Comentário à Conferência 2. // C. S. Cervelatti (org.). O inconsciente é a política (cit.). P. 35.

ка стремления постичь «горизонт субъективности своей эпохи». ²⁷

На пути от частного к коллективному некоторые проявления субъекта бессознательного оказываются связаны с несимволизированными остатками социального порядка, не вписавшимися в поле тех феноменов, которые способен дешифровать язык. Это не превращает психоаналитическую клинику в социологическую практику; отзвуки социальной жизни в речи анализандов не освобождают нас от необходимости слушать их одного за другим, в сингулярности их субъективной позиции и их симптоматических проявлений.

Отталкиваясь от дискурсивных практик, которые характеризуют общество, мы можем считать, что «бессознательным» в социальной жизни становятся несимволизированные фрагменты Реального на грани образований языка, которые организуют коллективное поле опыта. Сокращение Реального, производимое языком, всегда дает остаток. Например, сокращение, которое производит язык в отношении живого тела ребенка, организует работу жизненно важных органов на основе социальной связи. Язык, опосредованный дискурсом матери, превращает тело младенца [*infans*] из куска плоти в эрогенное тело, организованное и перечеркнутое Другим. Однако такая языковая операция в силу самого определения *сокращения* оставляет некий остаток – остаток наслаждения, остаток влечения, – который никогда не может быть

²⁷ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка (цит.). С. 91.

символизирован. В этом состоит неустранимый характер того, что психоанализ называет влечением к смерти.

2. Симптом и социальные травмы

В свою очередь, понятие симптома обязательно касается социальной связи. Я пользуюсь строгим определением Колетт Солер: «Симптом – это не только „способ говорить“, но и, в своей связи со страданием, способ наслаждаться, заместительное эротическое образование, модальность социальной связи».²⁸ Симптом обращается к другому (будь то аналитик или же кто-то еще), которого невротик избирает полномочным представителем Другого. Каждой цивилизации соответствуют специфические модальности наслаждения для «восполнения отсутствующей сексуальной связи».²⁹

То, что Фрейд окрестил эвфемизмом «недовольство», со временем обрело индустриальное измерение. Цивилизация стремится к тому, чтобы каждый пользовался ее хитрыми ловушками: (оральным) потреблением, (анальным) накоплением, вездесущим взглядом, повсеместными голосами. Однако с новым изобилием приходит и новое зло: исключенные, которые мечтают войти в исторгнувшийся их круг; для тех же, кто в него включен, бесцельность ненасытной гонки за жалкими излишками бессильна утолить эту жажду... жажду

²⁸ Soler C. La chose civilisée. // Des mélancolies (cit.). P. 42.

²⁹ Ibid. P. 43.

чего-то Другого.³⁰

Никакое критическое размышление о социальном порядке не может избежать анализа диспозитивов либидинальной связи между субъектами внутри тех символических структур, которые эту связь определяют.

Реальное, недостижимое для образований языка, может быть лишь бессознательным; именно в этом поле, не организованном означающим, берет свое начало травма в ее двойной вписанности: одновременно как наслаждение и как насильственное вторжение, способное уничтожить сеть представлений, защищающих психическую жизнь, а также жизнь в обществе. Если, Реальное, в соответствии со своим определением, не может быть символизировано, а травма, относящаяся к его порядку, производит симптоматические повторяющиеся действия, то попытки забыть коллективные травматические события тоже оказываются социальными симптомами. Когда общество не может проработать последствия травмы и пытается заглушить память о травматическом событии, коллективный симулякр вытеснения приводит к страшным повторениям.

Недавно Марсиу Селигманн-Силва следующим образом высказался о самой известной попытке XX века заглушить социальную травму – теме «забвения Освенцима»:

Много говорится о целых обществах, травмированных войной или такими событиями как

³⁰ Ibid. P. 44.

Шоа. Что касается Германии, в 1960-е годы Александр и Маргарете Мичерлих диагностировали такой уровень вытеснения прошлого и отрицания вины, который привел к блокировке процесса скорби. Так история «дереализуется».³¹

Если симптомом недовольства немецкого общества, по мнению различных авторов, была необъяснимая, на первый взгляд, поддержка значительной его частью нацистской программы истребления евреев, то попытки забыть о травматическом опыте Шоа породили социальные симптомы другого порядка: меланхолию, чувство вины и дереализацию исторического опыта. Все это существовало наряду с неизбежным возвращением вытесненного, выражением чего стало распространение молодежных неонацистских групп начиная с 1980-х годов.

Рассуждая об условиях проработки травмы, нанесенной немецкому обществу Холокостом, Жанн-Мари Ганьебен возвращается к беньяминовскому понятию *вспоминания*. Вместо того, чтобы противопоставить вытеснению памяти о травме обсессивный компромисс с чувством вины, непрестанно напоминающий о прожитых страданиях, предлагается противопоставить ему «активную память, трансформирующую настоящее».³² Другими словами, Беньямин,

³¹ M. Seligmann-Silva. Literatura e trauma: um novo paradigma. // O local da diferença. São Paulo: Editora 34, 2006. P. 71.

³² Gagnebin J. M. Após Auschwitz. // Lembrar escrever esquecer. São Paulo: Editora 34, 2006. P. 59.

будучи не психоаналитиком, а философом, полагает, что возможно некое «лечение» социальных симптомов. Оно может производиться путем коллективных вторжений в публичное пространство и реорганизации символического поля таким образом, чтобы оно включало в себя и *переозначивало* следы, оставленные травматическим событием.

В Бразилии общество до сих пор страдает от симптоматических последствий повторения социального насилия, вершившегося в течение двух долгих периодов жестокостей, которые до сих пор не были коллективно излечены или проработаны: трех столетий рабовладельческого варварства в XVII–XIX веках и двух десятилетий военной диктатуры в 1964–1985 годах.³³

В 1994 году, когда правительство Фернанду Энрики Кардозу ввело государственные компенсации семьям пропавших без вести в годы военного режима,³⁴ преподавательница Университета Кампинас (*Unicamp*) Мария Лижиа Куартин ди Мораес, вдова исчезнувшего активиста, организовала в своем университете дискуссию о политических пытках и убийствах времен диктатуры. Мне выпала честь присутство-

³³ Не будем забывать о более кратком, но от того не менее жестоком периоде диктатуры Варгаса в 1937–1945 гг.

³⁴ Фернанду Энрики Кардозу – президент Бразилии в 1995–2003 гг. При нем в 1995 г. был принят закон об исчезнувших политических активистах, который позволил признать погибшими сотни человек, похищенных и бесследно убитых спецслужбами в 1961–1979 гг., когда страна находилась под властью военной диктатуры (1964–1985). – *Прим. пер.*

вать на круглом столе, посвященном свидетельствам женщин, переживших пытки. Я увидела, что акт публичного изложения страданий и обид, причиненных (частному) телу каждой из этих женщин, может положить конец неспособности забыть травму. Равным образом, товарищам и детям людей, тайно убитых по политическим мотивам, в отсутствие тела, которому можно было бы воздать погребальные почести, остается лишь символически похоронить своих мертвых: озвучить в публичном пространстве воспоминания о близких и разделить эту память с собравшимися, солидарными в гневе против варварского акта, приведшего к пропаже людей.

3. Симптом как проявление новых социальных образований

Травматические события – не единственная причина социальных симптомов. Человеческие общества – живые и постоянно меняющиеся организмы. Марксистская идея, согласно которой люди творят историю, не ведая об этом, прямо отсылает нас к тому, что в социальной жизни остается недоступным сознанию агентов, а также к образованиям языка, которые придают смысл так называемой «реальности», – коллективной конструкции, обладающей высокой воображаемой связностью.

Даже те трансформации, за которое активно борется и которые завоевывает одна часть общества, имеют побочные

эффекты, превосходящие возможности непосредственного понимания. Такие феномены оказываются исключенными из символического порядка, однако не навсегда: реальные «достижения» цивилизации касаются не только технического прогресса, но и развития возможностей символизации Реального. Незаметные социальные трансформации, как правило, производят разрывы в привычном порядке вещей, которые являются не более чем выражением *в действии* новых феноменов или возникающих социальных групп, еще не интегрированных в дискурсивный порядок.

Психоаналитикам достаточно хорошо известен пример трансформации, которая не была немедленно встроена в символический порядок. Это один из социальных феноменов XIX века – выход, который женщины совершили (или претерпели), покинув свое традиционное место в направлении иного, до той поры неназванного. Эти события совпадают по времени с созданием психоанализа – не случайно Фрейд брал за основу лечение истерии. Тот факт, что истерия может быть понята как социальный симптом викторианского общества, не означает, что все его члены были истериками, или что страдания истеричек должны оставаться предметом социологии. Замешательство, привнесенное истеричками в семейный порядок XIX века, в качестве симптома указывает на то, что традиционные способы символизации полового различия уже не отвечали новым конфигурациям, открывшимся перед женщинами в мире, который был неза-

долго до этого изменен либеральным капитализмом. Я думаю, что в начальную пору своего существования психоанализ способствовал решению важной задачи: он помог дать имя тому недовольству, которое возникло в силу несоответствия места, отведенного женщинам традицией, тем новым возможностям, которые начали представлять перед ними со времен революций XVIII века и вплоть до консолидации буржуазного порядка в конце XIX века.³⁵

4. Социальный симптом, наслаждение и Сверх-Я

В рамках общества закон, равно как и порядок, который он поддерживает, имеет символическую природу. Передача Закона, однако, зависит также и от определенной согласованности воображаемого, чья эффективность основывается на том, что мы называем воображаемыми версиями Другого. Воображаемое место Другого в социальной жизни занято фигурами авторитета: морального, религиозного, политического или (иногда, как в наши дни) полностью фиктивного. Высказывания, исходящие от этих фигур, способны симулировать ответ на вопрос «чего хочет от меня Другой?». Эти диспозитивы требуются всякому социальному порядку для поддержания своей стабильности. Они создают желание в качестве желаемого само желание Другого. Желание Дру-

³⁵ Это тема моей докторской диссертации, защищенной в 1998 году и опубликованной под названием «Смещения женского» (Kehl M. R. Deslocamentos do feminino. 2. ed. Rio de Janeiro: Imago, 2008).

того, следовательно, появляется в социальной жизни, с одной стороны, в символической форме Закона и языка, а с другой – в воображаемых формах, наследующих тому, что Фрейд называл «любимыми существами» из детской жизни, которые указывают членам общества на условия их включения в связь. В отсутствие этих двух регистров Другой предстает в Реальном в виде жестокости *Сверх-Я*, что мы увидим как в отношении лечения меланхолии, так и в отношении новых конфигураций опасного наслаждения, свойственных современному обществу.

В конце концов, если социальная жизнь управляется регистрами Реального, Символического и Воображаемого и производит ускользающие от означивания образования, эквивалентные бессознательному и наслаждению Другого, то нет оснований отрицать, что недовольство проявляется как социальный симптом. Фрейд говорит об этом в нескольких своих текстах, наиболее непосредственно затрагивающих вопросы политики, – например, в таких как «Психология масс и анализ Я» (1920), «Неизбежна ли война?» (1932) или в работе «Недовольство культурой» (1929–1930). Из последнего текста заимствовано выражение, с помощью которого некоторые аналитики определяют социальный симптом. Именно это фрейдовское выражение Лакан использует в «Телевидении», чтобы объяснить, что структурная ненасытность *Сверх-Я* – «это не следствие цивилизации, а „недо-

вольство (симптом) внутри цивилизации“».³⁶

Сверх-Я – двойственная инстанция, которая увековечивает в психической жизни импульсы наслаждения, унаследованные от эдипова комплекса, одновременно переводя их в *запрет* на невозможные условия реализации инцеста. Именно подчиняясь требованиям Сверх-Я, Я (*moi*) пытается реализовать свои идеи, которые не имеют иного происхождения, кроме форм той культуры, в которой обитает индивид. (Тщетная) надежда «снова быть своим собственным идеалом»³⁷ поддерживает в психике неутолимость (наслаждения) Сверх-Я, о которой говорит Лакан, а также жестокость, с которой оно подчиняет Я своим требованиям. Связь между импульсами наслаждения Сверх-Я и господствующими означающими, которые в каждой культуре упорядочивают поле идей, является структурным условием социального симптома.

Анализировать существенное увеличение количества депрессий как симптом социального недовольства XXI века означает утверждать, что страдание депрессивных субъектов – это тревожный сигнал, указывающий на то, что в трюм огромного корабля маниакального общества, в котором мы все живем, хлынула вода. То, что зачастую простые проявления грусти понимаются (и лечатся) как депрессии, лишь

³⁶ Лакан Ж. Телевидение. М.: Гнозис, Логос, 2000. Пер. А. К. Черноглазова.

³⁷ Введение в понятие «нарцизм». // Фрейд З. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 3. С. 69. Пер. А. М. Боковой.

подтверждает эту идею. Грусть, упадок духа, простые манифестации боли существования становятся нетерпимыми для общества, которое стремится к эйфории как совокупности всех частных благ, предлагаемых на рынке.

Право на здоровье и веселье накладывает на нас обязательство быть счастливыми, пишет Даниэль Сильвестр. Грусть рассматривается как деформация, моральный дефект, «устранение которого с помощью химии доверено медику или пси-специалисту». Патологизация грусти приводит к потере важного знания о боли существования. У субъектов, потрясенных смертью близкого человека, страдающих от болезни или последствий серьезной аварии, медикаментозное притупление грусти или скорби крадет время, необходимое для того, чтобы пережить потрясение и выстроить новые отношения и даже новые правила жизни, лучше соответствующие состоявшейся утрате или наступившей неспособности.

Проблемы радостного принятия субъектом желания ответственности за творческое разрешение нехватки бытия приводят к видимости (*semblant*)³⁸ – «быть в хороших отношениях с жизнью», – к пустой картинке, которую Я (*moi*) создает в знак повиновения замыслам Другого. «Важно, чтобы люди были довольны и избавлялись от напряжения, которое ощущают изо дня в день», – утверждает один защит-

³⁸ Кажущееся, нарочитое (фр.) – Прим. пер.

ник «Прозака» в репортаже газеты *Valor Económico*.³⁹ Даниэль Сильвестр сказала бы на это: «Возводить такой подход в необходимую норму – верх отчуждения!»⁴⁰

³⁹ Martinez C. Uma indústria do bem-estar (cit.).

⁴⁰ Silvestre D. L'obligation au bonheur. // Des mélancolies (cit.). P. 50: «*Comble d'aliénation que d'adhérer à ce point à la norme imposée!*».

Об этой книге

Три эссе, которые составляют эту книгу, исходят, таким образом, из предположения о том, что депрессия является одним из социальных симптомов современности. Это не даст нам права в рамках анализа относиться к депрессивному субъекту как к «случаю социального порядка». Психоаналитическое понимание всегда исходит из клинического исследования, в рамках которого образования бессознательного выражаются в сингулярности каждого субъекта. Кроме того, на примерах Фрейда мы видим, что клинический опыт может также помочь разобраться в страдании, которое заявляет о себе в симптомах социальной жизни. В психоанализе теория конструируется в направлении от частного к общему, но не наоборот. В кабинетах с депрессивными субъектами следует работать один на один. Так мы, вероятно, сможем услышать то, что они могут рассказать о современных формах недовольства из которых они к сожалению, как и любое другое говорящее существо, не исключены. Здесь мы всего лишь следуем за фрейдовской (и поддержанной Лаканом) традицией соединения психоанализа с другими дисциплинами и превращения его в инструмент символизации некоторых фрагментов Реального с целью воспрепятствовать их возвращению в виде наслаждения и влечения к смерти.

Первая часть этой книги посвящена анализу депрессии как симптома современного общества. Для этого необходимо было обратиться к рассмотрению того символического места, которое меланхолия занимала начиная с классической древности и вплоть до середины XX века, когда Фрейд переместил это означающее из поля эстетических представлений в поле психоаналитической клиники. Фрейд присвоил понятие меланхолии; ее прежнее место, место социального симптома, вернулось под именем депрессии. Современные условия этого возвращения будут проанализированы в третьей главе первого эссе.

Вторая часть касается отношений депрессивных субъектов со временем, которые я буду называть *темпоральностью*. Я использую именно это слово, чтобы отличить субъективный опыт проживания времени от сущности феномена времени как предмета долгой традиции философской мысли, а также от социально регулируемого времени часов. Размышления о проблеме времени таких философов первой половины XX века как Анри Бергсон и Вальтер Беньямин были очень важны для написания этих глав. Также их работы послужили подспорьем при разборе текста Лакана о логическом времени.

В третьей части я более подробно разбираю клинику депрессий с точки зрения психоанализа и начинаю с установления принципиальных различий между депрессией и меланхолией. Также я пытаюсь выявить отличие между пози-

цией депрессивных субъектов, – которая мне представляется особой позицией субъекта в невротической структуре, – и обстоятельствами, определяющими конкретные эпизоды депрессии у невротиков навязчивости и истериков.

Благодарности

Храбрость – качество Я. Подобно тому, как Я не выбирает субъективную структуру, нельзя сказать, что при депрессиях встреча с пустотой – это вопрос храбрости. Для того, чтобы погрузиться в депрессию, храбрость не нужна. Дело обстоит ровно наоборот. Например, при неврозах депрессивный эпизод – одно из двух возможных последствий поведения, которое Фрейд окрестил моральной трусостью. Однако если субъект в нем обосновался, то, на мой взгляд, обращение к анализу, то есть попытка противостоять «дурной вести» своей субъективной позиции, становится актом храбрости. Ищущие психоанализа депрессивные субъекты – смелые люди. Еще смелее оказываются те, кто после первых встреч с аналитиком решает пройти курс лечения до конца и пересечь все пропасти на своем пути.

Написанием этой книги я обязана некоторым из этих храбрецов, пришедших ко мне в анализ; я не буду называть их имена, уверена они знают, о ком идет речь. Моя первая благодарность обращена к этим мужчинам и женщинам, которые без спешки поведали мне почти все, что я знаю о депрессии. Тем знаниям, которые я почерпнула из книг, я полностью обязана советам и предложениям коллег и друзей, которых я называю ниже. Некоторые из них проявили свою любезность, читая главы, исправляя ошибки и побуждая ме-

ня лучше обосновывать мои аргументы.

Также я благодарю тех, кто принял участие в «транс-субъективном и трансиндивидуальном» создании этой книги: Марию Марту Ассолини, Марию Луизу Вивиани и Алехандру Вивиани – великодушных и отзывчивых друзей. Если бы не их скрупулезное прочтение, предложения, критика и вопросы, эта работа была вдвое хуже.

Кроме того, я хочу поблагодарить дорогих коллег, которые на протяжении двадцати лет участвовали в обсуждениях и проработке этой книги в исследовательских группах под моим руководством, делясь со мной своими идеями, вопросами и предложениями. Группа Рио: Алба Сенна, Беатрис Карнейру да Кунья, Бетти Фукс, Сесилия Боал, Кора Виейра, Дениз Вернек, Элизабет Донничи, Галина Гринберг, Марсия Гомес, Мария ду Карму Пальярес, Мария Паула Ришайд, Марилинк Купферберг, Ракель Шварц, Симон Ротштейн и Сузана Васконселуш. Группа Сан-Паулу–1: Чика Лутц, Кристина Сегин, Даниэла Эскобари, Жакелини Бендини, Лусиана Вис, Лула Абран, Марсия Жименеш, Мария Лусия Аргреавеш, Моника Са и Соня Алешандри. Группа Сан-Паулу–2: Ана Мария Силвейра, Кандида Головки, Сесилия Орсини, Сибелла Вейнберг, Элиана Калиджури, Жилка Злочевски, Энриэтт Букаретши, Яра Санторо Лино, Яссанан Пасторе, Лусиана Садди, Магда Хури, Мария Жозе Бугни, Мария Елена Теперман, Николь Плаптер, Ракель Айзенберг и Райя Зонана.

За помощь с библиографией – Анну Веронику Маутнер, Бенилтона Безерру Филью, Марию Элизу Севашку, Мауру Мендеса Диаса и Соню Мендонсу.

Часть первая

От меланхолии к депрессиям

I. Депрессии современности

Впервые осознав, что нахожусь во власти болезни, я, помимо прочего, почувствовал необходимость возмутиться термином «депрессия». Большинству людей известно, что депрессия ранее именовалась меланхолией – в английском языке соответствующее слово появилось в 1303 году, и несколько раз фигурирует у Чосера, который, используя его, похоже, был в курсе патологических особенностей данного явления. «Меланхолия» и по сей день выглядит как более подходящее и точное слово для обозначения наиболее тяжелых форм этого расстройства, но место уже захвачено существительным с невыразительным звучанием, лишенным какого-либо веса, нейтральным термином, использующимся для обозначения экономического спада или углубления в земле; в общем, это крайне безликое наименование для столь серьезной болезни.

Уильям Стайрон «Зримая тьма»⁴¹

Что фрейдовская теория меланхолии может сообщить

⁴¹ Пер. Е. Мениковой.

психоаналитику о лечении депрессий? Очень мало, почти ничего. Тем не менее, в дискуссиях на эту тему, где я недавно принимала участие, равно как и в различных текстах, посвященных этому вопросу, нередко можно встретить смешение картин депрессии и меланхолии. К ним подходят без различия, как если бы они были одним и тем же. Однако это не так. «Депрессивные» черты меланхолика: негативное отношение к окружающей действительности, упадок духа, отсутствие самооценности, саморазрушительные фантазии, соматические страдания и множество других проявлений психической боли – могут эмпирически походить на характеристики депрессивного субъекта. Однако подобно тому, как истерические кризисы и бредовые мыслительные конструкции невротиков навязчивости нельзя спутать с симптомами психозов, так и феноменологическое сходство между грустью и подавленностью меланхоликов и депрессивных субъектов не является проявлением одной и той же психической структуры.

Такое смешение, возможно, обязано тому факту, что Фрейд, чей текст «Скорбь и меланхолия» (1915) стал новаторским вкладом в понимание клиники меланхолии, не посвятил теме депрессий ни одного труда. На тот момент понятия депрессии, депрессивных состояний и маниакально-депрессивного психоза еще не были выведены из ведомства психиатрии и не были помещены в компетенцию психоаналитической клиники, тогда как термин «меланхолия» уже

получил свое толкование в рамках психоанализа. История употребления понятия «меланхолия» в западной культуре началась с Аристотеля. Оно ассоциируется с чувствительностью, оригинальностью, благородством духа и другими качествами, характерными для созидательного гения. О подобных свойствах человеческой души в своих наблюдениях за симптомами меланхолии Фрейд не упоминает.

Фрейдовская теория меланхолии учредила одновременно два разрыва. В сфере клинической практики текст 1915 года сделал меланхолию из нозологической единицы психиатрии понятием, применяемым в психоаналитической клинике. В другой области, области истории идей, этот текст освободил понимание меланхолии от влияния домодерной традиции, со времен греческой Античности наделявшей людей меланхолического склада преимущественно возвышенными чертами.

В этом эссе я пытаюсь оценить современное состояние депрессий на основе двух связанных между собой линий размышления. В том, что касается клиники, важно отметить, что, несмотря на высокое сходство симптоматики меланхолии и депрессий, психоанализ не ставит между ними знака равенства. В более общем контексте, контексте «недовольства культурой», я пытаюсь показать, что локализация страданий депрессивного субъекта наследует тому месту, которое занимали меланхолики в традиции мысли, предшествовавшей Фрейду, – месту социального симптома. На

уровне предварительных соображений к своей теории меланхолии (1915) Фрейд высказывается осторожно. Во введении к работе «Скорбь и меланхолия» он отмечает хрупкость понятия меланхолии, определение которого на тот момент было «шатко также и в описательной психиатрии».⁴² Далее Фрейд пишет, что страдания меланхолика принимают различные клинические формы, усложняя создание единого представления о болезни. (Вероятно, здесь эмпирически смешивались проявления меланхолии и депрессии?) Кроме того, некоторые симптомы меланхолии заставляют предположить, что она имеет соматическую природу, что еще больше усложняет обнаружение психогенеза ее клинической картины. Тогда Фрейд вводит условия, которые утверждают отказ от попытки дать универсальное определение, что, как может показаться, умаляет эвристичность размышлений:

[...] наш материал ограничивается небольшим числом случаев, психогенная природа которых не подлежит никакому сомнению. Таким образом, мы с самого начала отказываемся от притязаний на универсальность наших результатов и утешаем себя тем соображением, что с помощью современных исследовательских средств мы едва ли сможем обнаружить что-нибудь, что было бы нетипично если не для целого класса поражений, то уж хотя бы для маленькой их группы.⁴³

⁴² Печаль и меланхолия. / Фрейд З. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 3. С. 211. Пер. А. М. Боковой.

⁴³ Там же.

Отказ от каких-либо претензий на универсальность не помешал, однако, этому тексту учредить разрыв с парадигмой лечения меланхолии, выработанной под влиянием психиатрического знания XIX – начала XX веков. Фрейд не только представил точку зрения, полностью отличную от психиатрических классификаций Пинеля, Эскироля, Крепелина, Сегласа, Котара⁴⁴ и других, но и, предположив, что бессознательной первопричиной жалоб и самообвинений меланхолика является подавленная ненависть к рано утраченному объекту любви, сделал попытку отойти от долгой традиции мышления о меланхолии, берущей начало в Античности, становящейся в Средние века и Возрождение и давшей свои плоды в рамках упадочнических течений романтизма XVIII и начала XIX века.

Психоанализ и интериоризация символической функции

В работе «Скорбь и меланхолия» представлен лишь один из множества прецедентов смены парадигмы, которую осуществил Фрейд в отношении медицинских и психологических знаний своего времени. С открытием бессознательно-го психоанализ не только пошатнул устойчивость изобретенного им же субъекта модерности, но и стал одним из участников революции в устройстве субъекта, спровоцированной

⁴⁴ См. Quinet A. La mélancolie selon les classiques. // Des mélancolies (cit.).

модерностью. Субъект психоанализа сформировался среди противоречий и тупиков, возникших в результате становления индивидуализма, – субъективного образования, отсутствовавшего в домодерных обществах. Модерный индивид произошел из потрясения, вызванного в лоне христианства Реформацией, которая, помимо прочих переворотов, привела к новой форме религиозного индивидуализма.⁴⁵ Зрелось современного индивида, в свою очередь, приходится на период расцвета и укрепления европейских буржуазных государств XVIII века. *Индивид* – это оранжерейный плод, выращенный в рамках относительно молодого института, современной ядерной семьи. В своей книге «Политическое бессознательное»⁴⁶ Фредрик Джеймисон кратко излагает те обстоятельства, при которых началось становление психоанализа:

Возвращаясь к тому новому событию, каким стало появление психоанализа, следует четко понимать, что автономизация семьи как частного пространства внутри зарождающейся общественной сферы буржуазного общества и как «специализации», качественно отличающей детство и семейное положение от другого биографического опыта, – всего лишь черты куда более общего процесса общественного развития, который включает в себя также автономизацию

⁴⁵ Об этом см. Heller A. O homem do renascimento. Lisboa: Presença, 1982 и Delumeau J. A civilização do renascimento. Lisboa: Estampa, 1984.

⁴⁶ Jameson F. O inconsciente político: a narrativa como ato socialmente simbólico. São Paulo: Ática, 1992.

сексуальности.⁴⁷

Делающий ставку на разум ценой вечного надзора со стороны совести,⁴⁸ вынужденный стать господином собственных импульсов и господствующего образа Другого, живущий в состоянии непрерывной боеготовности в условиях яростной конкуренции зарождающейся капиталистической экономики, индивид был обречен страдать от симптоматических последствий вытеснения, которые сопутствовали его притязаниям. Для Адорно не подлежит сомнению то, что индивидуалистический идеал являет собой шаг к освобождению от домодерных форм субъективности, превращая людей «из детей в личности». Верно, однако и то, что в каче-

⁴⁷ Ibid. P. 58.

⁴⁸ См. Costa Lima L. Os limites da voz: Montaigne, Schlegel. Rio de Janeiro: Rocco, 1993. P. 20: «В нашем контексте достаточно обозначить мельчайшие следы порядка, который должен отличать современные времена и, внутри них, модерность: а) наличие индивидуализированного сознания, которое действует в корреляции с эго, обособляющимся от того, что прежде способствовало становлению его идентичности; б) процесс растворения субстанциалистской концепции мира, опиравшейся на предшествующий порядок». К другому направлению критической теории принадлежит Адорно: «Принцип индивидуальности был противоречивым с самого начала. Во-первых, собственно до индивидуации дело вообще так и не дошло. Классовым обликом самосохранения все были остановлены на ступени всего лишь родовых существ. [...] В ходе своего развития буржуазным обществом был одновременно развит и индивидуум. Вопреки воле его правителей *техника превратила людей из детей в личности*. Но каждый такой успех в деле индивидуации происходил за счет индивидуальности, во имя которой он достигался, и ничего не оставлял после себя за исключением решимости не преследовать никаких иных целей, кроме своих собственных». (Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. М. – СПб: Медиум – Ювента, 1997. С. 194–195.)

стве субъекта индивид отмечен невозможностью своей полной реализации, поскольку существует лишь за счет того самого вытеснения, которое его расщепляет.

В силу проявлений недовольства, манифестированных в этой новой форме субъективности, медицинские исследования душевных заболеваний неизбежно требовали новых теоретических подходов. Фрейд вышел за рамки медицинских наук своего времени, изменив способ исследования так называемых душевных заболеваний: от классификации симптомов и изучения коры головного мозга он перешел к выслушиванию бессвязных, на первый взгляд, речей истериков и психотиков, где обнаруживают себя образования бессознательного. Открыв универсальность бессознательного, которое расщепляет индивида (делая из него субъекта), Фрейд в то же самое время демистифицировал претензии наследников Просвещения на суверенитет разума и сделал возможной символизацию некоторой доли вытесненного – разумеется, не всего – с помощью речи.

В то же время, в отличие от долгой западной традиции осмысления меланхолии как в искусстве, так и в философии, Фрейд, выстроив гипотезу о нарциссических истоках страдания меланхоликов на основе самых тесных и ранних связей семейной жизни, оставил за скобками множество проявлений меланхолии, которые зиждутся на пересечении интимной жизни и социальной связи. Фрейд никогда не игнорировал воздействия невротических симптомов на различные

аспекты публичной жизни.⁴⁹ Однако произведенный психоанализом сдвиг в понимании душевных заболеваний: смещение внимания на изучение частных, семейных истоков недовольства – имеет свой смысл. Модерный индивид, подсчитав свой символический долг исходя из *аффективных параметров частной жизни*, расплачивается неврозом⁵⁰ за вытеснение коллективного измерения и общественных связей, которые, хотя и отрицаются, тем не менее определяют его существование.⁵¹

Какова та традиция мысли, которая придавала меланхолии социальный смысл и с которой порвал психоанализ? Ме-

⁴⁹ Помимо больших статей об интерпретации социальных проявлений недовольства, например, «Недовольство культурой» (1930), «Будущее одной иллюзии» (1927), «Психология масс и анализ Я» (1921), а также ряда менее известных (к примеру, «Неизбежна ли война?» [1932]), Фрейд посвятил серию текстов осмыслению связи между невротами и общественной моралью. Я ссылаюсь, среди прочего, на статьи «Табу девственности» (1918), «„Культурная“ сексуальная мораль и современная нервозность» (1908), «Комментарии об антисемитизме» (1938) и другие.

⁵⁰ Анализируя Человека-Крысу, Фрейд понял, что невротик, особенно обсессивный, всегда переводит на «невротический язык» подсчет (недоступный ему вследствие вытеснения) символического долга. Тем самым он пытается обменять социальную, символическую и коллективную монету на частную (и воображаемую) монету своей фантазии. См.: Заметки об одном случае невроза навязчивости. / Фрейд З. Соб. соч. в 10-ти тт. Т. 7. С. 31–103. Здесь приводится ассоциация, которую озвучивает пациент, когда платит доктору Фрейду: «Столько-то гульденов, столько-то крыс», – что свидетельствует о фантазии, на которой он основывал свою невротическую монету. См. также Lenz Dunker C. I. O cálculo neurótico do gozo. São Paulo: Escuta, 2002.

⁵¹ См. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.

ланхолия до Фрейда – но также и до того, как она была понята в качестве *нарушения*, которое следует лечить при помощи психиатрической медицины, – рассматривалась как форма недовольства, сообщающая о разладе между некоторыми членами того или иного общества и условиями социальной связи. Меланхолик от Античности до эпохи романтизма изображается как человек, утративший свое место близ Другого в его воображаемом обличье.⁵² Домодерный меланхолик, поглощенный размышлениями, сожалениями, сомнениями и изысканиями, пребывал в поисках новых указаний, которые помогли бы ему адекватным образом ответить на вопрос о том, чего же хочет от него Другой. В этом смысле «старые» формы меланхолии могут быть поняты как вариации социального симптома. Они представляют ценность для понимания условий включения субъек-

⁵² В лакановской теории Другой связан с символическим измерением, которое лежит в основе расщепления субъекта. Символическое измерение Другого может быть резюмировано так: необходимое наличие языка, который определяет и предвещает существование субъектов. Однако на субъективном уровне символическое поле поддерживается воображаемыми представлениями: воображаемое обеспечивает связность символического и Закона, который его детерминирует. Воображаемое измерение Другого покоится на тех случайных формах, которые символический Закон принимает в конкретной культуре. Мать и отец, которые вводят младенца в язык, становятся первыми воображаемыми репрезентациями Другого, а после завершения эдипова комплекса они замещаются фигурами, которые являются носителями авторитета в публичном (экзогамном) пространстве. Учитель, политический лидер, монарх, Бог, партнер – наиболее частые примеры различных представлений той инстанции, к которой невротический субъект обращает вопрос: «Чего он от меня хочет?»

тов в социальную связь, существовавших на протяжении истории. По той же самой причине начиная с Возрождения меланхолические страдания стали считаться признаком достоинства и способствовать общественному признанию. Задумчивая погруженность меланхолика в себя, его обостренная чувствительность, принимаемая за проявление гениальности,⁵³ придавали его симптомам вид обещания, способного разрешить недовольство культурой, – что сродни задачам психоаналитического лечения. Разница, однако, в том, что для психоанализа симптом выступает тем, что будет рассматриваться при попытке излечения неблагополучия субъекта, взятого в своей сингулярности, – Фрейд никогда не касался возможности «лечения» больших социальных симптомов, – в то время как «старые» формы меланхолии, вероятно, могут быть поняты как выражение социального симптома *par excellence*.

К ряду исторических обстоятельств, сопутствовавших становлению психоанализа в конце XIX века, относится утрата *стабильных* ориентиров, которые со времен феодализма и вплоть до периода буржуазных революций обуславливали принадлежность индивида к социальной среде.⁵⁴ В современных обществах, с их социальной мобильностью и боль-

⁵³ Ренессансная идея о гениальности меланхоликов обязана возвращению приписываемого Аристотелю (Проблемы, XXX, 1) тезиса о связи меланхолии с гением творчества.

⁵⁴ См. Roudinesco E. Por que a psicanálise? Rio de Janeiro: Jorge Zahar, 2000.

шей свободой индивидуального выбора, условия включения в сообщество и правила общежития становились все более абстрактными. Сложность символических структур с самых ранних этапов развития капитализма превратила недоступное поле Другого в (сознательное) знание социальных субъектов.

В эпоху модерности Другой есть бессознательное.⁵⁵ Это предположение согласуется с некоторыми идеями, которые Лакан резюмировал в формуле «бессознательное – это политика».⁵⁶ Тем не менее, включения образований бессознательного в поле Другого⁵⁷ недостаточно для того, чтобы поддержать мою идею о том, что подобное положение специфично для современной субъективности. Право продолжать свои рассуждения исходя из этой гипотезы дают мне два пассажа из текстов Фрейда. В первом из этих отрывков, в работе «Тотем и табу» (1914), Фрейд анализирует, как первобытные общества учреждали свои тотемические способы репрезентации пра-отца, а также наложенные от его имени предписания-табу, попутно приходя к выводу, что невроты «пытаются частными средствами создать то, что в обществе возникло благодаря коллективной работе».⁵⁸ На основании этого

⁵⁵ Эта гипотеза лучше работала в: *Sobre ética e psicanálise*. São Paulo: Companhia das Letras, 2002.

⁵⁶ Brousse M.-H. *O analista e o político* (cit.).

⁵⁷ См. Лакан Ж. *Функция и поле речи и языка* (цит.).

⁵⁸ *Тотем и табу*. // Фрейд З. *Собр. соч.* в 10-ти тт. Т. 9. С. 363. Пер. А. М. Боковой.

утверждения можно полагать, что в обществах, где коллективные репрезентации отцовской функции обладали высокой степенью связанности, люди были свободны от необходимости конструировать невротический ответ на конфликт между удовлетворением влечений и Законом.

Сходную гипотезу несколько десятилетий спустя предложил Клод Леви-Стросс. В 1949 году он завершает свою статью «Эффективность символов»⁵⁹ утверждением, созвучным предположению Фрейда. В начале этого текста, анализируя эффективность мифа при шаманическом лечении, Леви-Стросс пишет, что миф, наподобие психоаналитического бессознательного, представляет собой «поиски утраченного времени»: «Отличие психоанализа от шаманизма, хотя он, по существу, является современной формой последнего, определяется в основном тем, что в современной машинной цивилизации место для мифологического времени остается только в отдельном человеке».⁶⁰

В эпоху модерности миф не исчезает, однако меняется его положение: из коллективной традиции он становится «индивидуальным достоянием».⁶¹ Для Леви-Стросса бессознательное образовано на основе мифологических структур, носителями которых в определенный момент переста-

⁵⁹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Академический проспект, 2008. С. 214–237.

⁶⁰ Там же. С. 237.

⁶¹ Там же. С. 234.

ли быть древние шаманы, и которые были инкорпорированы в лишь на первый взгляд индивидуальный психический фонд.⁶² «Бессознательное перестает быть прибежищем индивидуальных особенностей, хранилищем личной истории, которая делает каждого из нас существом уникальным. Термин „бессознательное“ обозначает символическую функцию».⁶³

Здесь меня интересует не столько концепция мифа Леви-Стросса, сколько тот конкретный способ, которым он работал с этой символической функцией, называемой бессознательным. Бессознательное является транссубъективной функцией, которая в «механической цивилизации» покинула поле традиций, передаваемых неким коллективно признанным агентом, – в данном случае шаманом (либо же любым другим духовным авторитетом) – и переместилась в поле (так называемых) индивидуальных репрезентаций. Сделала она это посредством некой психической инстанции, о загадках которой современные люди вынуждены спрашивать себя поодиночке.

Можно сказать, что подсознание – это индивидуальный словарь, в котором каждый из нас записывает лексику истории своей индивидуальности, и что бессознательное, орга-

⁶² Отсюда можно заключить, что, с учетом места аналитика в переносе, роль выслушивания в аналитическом процессе может заключаться в том, чтобы вернуть «индивидуальную сокровищницу» означющих на ее место в символической структуре, которая по определению коллективна.

⁶³ Леви-Стросс К. Структурная антропология (цит.). С. 235.

низуя этот словарь по своим законам, придает ему значение и делает его языком, понятным нам самим и другим людям (причем лишь в той мере, в какой он организован по законам бессознательного).⁶⁴

Каковы условия передачи между поколениями дискурсивных форм Другого, определяющих место субъекта и поддерживающих социальный порядок? В древних обществах такая передача могла осуществляться способом, отличным от конституирования Сверх-Я, наследника эдипова комплекса. Второй способ, согласно Фрейду, определяет прогресс цивилизации, достигнутый в эпоху модерности. Здесь я возвращаюсь ко второму отрывку из произведения Фрейда, о котором упомянула выше, и перехожу от работы «Тотем и табу» к тексту «Будущее одной иллюзии» 1927 года.⁶⁵ Во второй части, совершив переход «из экономической в психологическую сферу» при анализе развития запретов, различающихся от одной цивилизации к другой, то есть «средств, способных служить защите культуры»,⁶⁶ Фрейд пишет, что интериоризация принуждений явилась историческим прогрессом по сравнению с другими формами социального принуждения.

Неверно, что человеческая душа с древнейших времен не

⁶⁴ Там же. С. 236.

⁶⁵ Будущее одной иллюзии. // Фрейд З. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 9. С. 135–190. Пер. А. М. Боковой.

⁶⁶ Там же. С. 144.

проделала никакого развития и в противоположность прогрессу науки и техники еще и сегодня остается такой же, как в начале истории. Один из примеров такого психического прогресса мы можем здесь привести. Наше развитие идет в том направлении, что внешнее принуждение постепенно становится внутренним, поскольку особая душевная инстанция, Сверх-Я человека, включает его в свои заповеди.⁶⁷

В тексте 1923 года «Я и Оно» Фрейд уже установил бессознательный характер образования этой психической инстанции, Сверх-Я, представляющей в индивидуальной психической реальности символический Закон. Для психоанализа невротик – это тот, кто старается подчиниться требованиям Сверх-Я, как если бы тем самым ему удалось вернуть субъективную утрату, постигшую его в коллизии эдипова комплекса, и восстановить (невозможное) единство с Другим.⁶⁸ Поскольку Другой является символической транссубъективной функцией, то здесь мы возвращаемся к лакановскому положению, согласно которому бессознательное – это политика.

Очевидно, что фрейдовский психоанализ затрагивает политическое измерение субъекта бессознательного, но это не его предмет. Точно также последствия психоаналитического лечения не являются напрямую политическими. Фрей-

⁶⁷ Там же. С. 145.

⁶⁸ Это единство Лакан в ходе нескольких своих семинаров резюмировал формулой $I=1+a$. «Один», как тотальность, был бы суммой сингулярности и утраченного объекта, будь это (вос)соединение возможно.

довский психоанализ возник как стратегия работы с частным измерением индивида, рожденного в условиях современной нуклеарной семьи. Его основная теоретическая конструкция, эдипов комплекс, касается всех наиболее интимных и индивидуальных отношений субъекта в период его конституирования.

Приватизация меланхолии и рост числа депрессий

После краткого обзора некоторых социальных условий, которые окружали появление психоанализа, и с целью доказать тезис, согласно которому в эпоху модерности Другой становится бессознательным, я возвращаюсь к фрейдовской теории меланхолии. Я планирую определить ту революцию, которую эта теория осуществила по отношению к домодерным способам понимания места, занимаемого меланхоликом в социальной связи.

Фрейдовская теория меланхолии стремилась к альтернативному объяснению той совокупности проявлений душевного страдания, которую Крепелин в 1883 году окрестил «маниакально-депрессивным психозом».⁶⁹ В действительно-

⁶⁹ «До конца XIX века термин „меланхолия“ был обыденным обозначением депрессивного синдрома. Крепелин (1921) очертил границы этого заболевания, описав его эпизодическое течение и охарактеризовав его основные клинические формы. Спустя годы был введен термин „дистимия“, который описывал легкую и хроническую формы меланхолии, и [термин] „циклотимия“ [маниакаль-

сти Фрейд тоже вынужден был признать манию частью меланхолического комплекса:

Впечатление, о котором уже говорили многие исследователи-психоаналитики, состоит в том, что содержание мании ничем не отличается от содержания меланхолии, что оба болезненных состояния борются с одним и тем же «комплексом», которому при меланхолии Я, вероятно, уступает, тогда как при мании Я преодолевает его или отодвигает в сторону.⁷⁰

Манию можно считать мимолетным триумфом над меланхолией; бессознательная борьба между Я и сверх-Я, в которой победу периодически одерживают обе инстанции, превращает маниакальное и меланхолическое состояния в две неотделимые друг от друга стороны одной и той же психической структуры.

Применяя означаящее «меланхолия» к депрессивным циклам этого мучительного душевного недуга, Фрейд, вероятно, стремился обозначить разницу между своим теоретическим подходом и крепелиновским диагнозом маниакально-депрессивного психоза. Однако побочным эффектом этой операции стала *приватизация*

но-депрессивный психоз], обозначающий нарушение, для которого характерны душевные колебания». (Hornstein L. Las depresiones: afectos y humores de vivir. Buenos Aires: Paidós, 2006. P. 128).

⁷⁰ Фрейд З. Печаль и меланхолия (цит.). С. 222.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.